

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 97–101.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 1 (74). P. 97–101.

Научная статья
УДК 321.01
doi: 10.54398/1818510X_2023_1_97

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА
В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА

Гаекулов Эмиль Наилевич

Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Россия
gaetkulovemil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8865-1489>

Аннотация. В имеющих геополитическое значение для Российской Федерации западных регионах Республики Казахстан происходят изменения формата политического протеста. Поэтому в статье аналитически рассматривается выражение массового гражданского недовольства на этих территориях, а также определяется его специфика в текущих условиях, что позволяет дополнить имеющиеся научные знания новыми данными. Материалами для исследования стали 70 случаев политических протестов на западе Казахстана за последние десять лет (получены из каталога массовых протестных событий с применением насилия, составленного экспертами ACLED), данные анонимного опроса 138 находящихся в России казахских граждан о представлениях, сложившихся у них о политических протестах в их стране, а также об опыте их участия в таковых, 123 публикации медиа Казахстана («Караван», «Tengrinews», «Newtimes», «Fergana.ru», «Centrasia.ru», «Paruskg.info» и др.), обработанные с помощью ивент-анализа, контент-анализа, системного сравнительного и неинституционального анализа. Сделаны выводы о том, что специфическими чертами современного протеста в западных регионах Казахстана являются: инициирование акций общественного несогласия по экономическому и трудовому поводам с дальнейшим присоединением политических мотивов, сильное давление на протестующих и нетерпимость к альтернативным голосам со стороны системы власти, кровопролитность, криминализация, радикализация на основе исламского фундаментализма, децентрализация и цифровизация.

Ключевые слова: автократия, авторитарный режим, западные регионы Казахстана, исламский фундаментализм, Каспийский регион, Казахстан, недемократическая система, национальная безопасность, политический протест, радикализация протеста

Для цитирования: Гаекулов Э. Н. Особенности современного политического протеста в западных регионах Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 97–101. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_97.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

FEATURES OF MODERN POLITICAL PROTEST IN THE WESTERN REGIONS OF KAZAKHSTAN

Emil N. Gaetkulov

Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia
gaetkulovemil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8865-1489>

Abstract. In the western regions of the Republic of Kazakhstan, which are of geopolitical importance for the Russian Federation, the format of political protest is changing. Therefore, the article analytically examines the expression of mass civil discontent in these territories, and determines its specificity. The materials for the study were 70 cases of political protests in the west of Kazakhstan for the last ten years (obtained from the catalog of mass protest events with the use of violence, compiled by ACLED experts), data from an anonymous survey of 138 Kazakh citizens in Russia about their perceptions of political protests in their country, as well as about the experience of their participation in such, 123 publications of the media of Kazakhstan ("Caravan", "Tengrinews", "Newtimes", "Fergana.ru", "Centrasia.ru", "Paruskg.info" and others), processed with the help of event analysis, content analysis, system of comparative and neoinstitutional analysis. Conclusions are drawn that the specific features of modern protest in the western regions of Kazakhstan are: initiation on economic and labor grounds with further political motives, strong pressure on protesters and intolerance to alternative voices from the government system, bloodshed, criminalization, radicalization based on Islamic fundamentalism, decentralization and digitalization.

Keywords: autocracy, authoritarian regime, western regions of Kazakhstan, Islamic fundamentalism, Caspian region, Kazakhstan, undemocratic system, national security, political protest, radicalization of protest

For citation: Gaetkulov E. N. Features of modern political protest in the western regions of Kazakhstan. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 1 (74), pp. 97–101. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_97.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В последние годы в Республике Казахстан наблюдаются крупные изменения форм и характера политического протеста, его масштабы увеличиваются, что оказывает заметное влияние на политику этого государства, которое имеет наиболее протяжённую границу с Россией, тесно связано с нашей страной, входит в Каспийский регион, занимает значительное геополитическое положение. В связи с этим важной исследовательской задачей является определение специфики современного политического протеста в Казахстане для фундированной оценки текущих событий и подготовки научного обоснованных прогнозов развития политической и геополитической ситуации в Каспийском регионе. Кроме того, исследование случаев выражения массового недовольства в Казахстане позволяет дополнить современное научное знание о политическом протесте, его мотивах, характере, тенденциях.

Основная часть

По статистическим данным Республика Казахстан занимает второе место (после Республики Кыргызстан) среди стран Средней Азии по числу и масштабу политико-протестных акций с участием недовольных граждан и групп интересов, стремящихся повлиять на политический процесс. Однако это не должно ввести в заблуждение о том, что в республике есть полноценная демократическая практика (широкое и свободное гражданское участие в управлении государством в целях общественного блага [18, с. 211]), напротив, мы имеем дело с консолидированным авторитарным режимом, что будет показано ниже.

Для причинно-следственной оценки политического протеста в Республике Казахстан проведены три исследования. Проведён сопоставительный анализ случаев и ивент-анализ протестных действий в Республике Казахстан на базе каталога массовых протестных событий с применением насилия (violent demonstration and mob violence), составленного экспертами ACLED – 70 случаев с 01.01.2000 по 28.03.2022 г. (<https://acleddata.com/dashboard/#/dashboard>).

Проделан контент-анализ 123 материалов медиа Казахстана («Караван», «Tengrinews», «Newtimes»), а также интернет-ресурсов Fergana.ru, Azattyk.org, Centrasia.ru и Paruskg.info. по тематике политических протестов. Также рассматривались публикации российских СМИ («Новая газета») и сюжеты «Первого канала») с целью сопоставления ракурсов интерпретации случаев политического протеста в 2011, 2016, 2017 и 2022 гг.

В феврале – мае 2021 г. анонимно опрошены 138 находящихся в России казахских граждан о представлениях, сложившихся у них о политических протестах в их стране, а также об опыте их участия в таковых. Выборка составлена следующим образом: посредством личных связей автора среди граждан Казахстана в возрасте от 20 до 45 лет была распространена анкета для добровольного заполнения. Возраст двух третей опрошенных составляет 35–45 лет, 63 % – мужчины, 37 % – женщины.

34 % респондентов указали, что они родом из южных регионов, 38 % – из северных регионов, 22 % – из центральных регионов, 7 % – из западных регионов Казахстана. 24 % заявили о своем общем среднем образовании, 54 % – о высшем образовании, 10 % – о среднем специальном образовании.

Опрошенные заняты в следующих сферах: 26 % – обслуживание, 25 % – образование, 23 % – финансы, 11 % – торговля и общественное питание, 9 % – транспорт.

Автор не нашёл в научной литературе последних лет сведения о проведении похожих исследований.

Частота политико-протестных действий указывает на основную территорию политического протеста в Казахстане в последнее десятилетие – это западные области республики: Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Кызылординская, Мангистауская области. На их пространстве сложились особые условия для нарастания массового недовольства: узкая специализация, расширенная миграция, высокие цены, преобладание населения, не имеющего высшего образования [17, с. 304].

Массовый протест 2011 г. (инициирован в Жанаозене работниками компаний «Каражанбасмунай» и «Озенмунайгаз») был вызван сугубо трудовыми и социально-экономическими причинами (трудовые конфликты, проблемы с заработной платой и условиями труда), но сразу же обрёл политическую окраску. И в этом просматривается особенность политического протеста в западных регионах Казахстана. Противостояние обострилось настолько, что в его ходе был жестоко избит заместитель руководителя профсоюза ООО «Профсоюз работников Каражанбаса» А. Айдарбаев, дом его был подожжён, был убит профсоюзный активист Ж. Турбаев, была похищена и убита дочь председателя профсоюзного комитета рабочих компании «Озенмунайгаз» К. Карабалаева и т. д. На протесты откликнулась мировая общественность. «Международная амнистия» признала заключённых под стражу его участников узниками совести. Член Европейского парламента, депутат, член Социалистической партии П. Мёрфи (Ирландия) выразил поддержку протестующим и направил им письмо [2]. Также в поддержку протестующих выступила «Международная организация трудящихся и народов». Эти обстоятельства приводятся для того, чтобы показать крайнюю остроту и жестокость конфликта, в котором при бездействии властей для подавления протестующих применялись не просто радикальные, но криминальные средства. Здесь прослеживается такая особенность политического протеста в западных регионах Казахстана, как его кровопролитный характер. В ходе акций, если верить официальной версии, группы протестующих атаковали полицейские, подожгли транспортные средства силовых структур, нанесли повреждение городскому имуществу, попытались захватить оружие, административные здания и другие объекты. В ответ силовые подразделения открыли огонь по протестующим; по официальным данным, пятнадцать человек погибло, сотни было ранено и арестовано [12].

Президент Н. Назарбаев заявил о том, что в Жанаозене прошли «беспорядки, устроенные организованной преступной группой лиц и противниками власти, находящимися за границей», которые «использовали нефтяников» [9]. Ссылка на криминальный фактор небезосновательна. Действительно, имеет место криминализация политического протеста в западных регионах Казахстана. Статистика показывает рост преступности в областях Западного Казахстана. С 2005 по 2015 г. число совершённых правонарушений возросло в Атырауской области в 2,8 раза, в Мангистауской области – в 12,8 раза, в Западно-Казахстанской области – в 5,3 раза. При этом надо понимать, что в это же время приток внешних мигрантов снижился [13, с. 45].

Эксперты объясняют рост преступности увеличением численности внутренних мигрантов, прибывающих в города из сельской местности, основную часть которых (48,3 %) составляет молодёжь из южных областей Казахстана [14, с. 16]. Безработица в этих областях достигает 60–70 % [7]. Эта группа населения пытается решить проблему трудоустройства, однако на новом месте это происходит не всегда успешно. Напротив, возникают новые трудности финансового, социального, психологического характера. Прибывшие из южных сельских местностей не спешат принимать городские порядки и устои, придерживаются собственной традиции, компактно селятся на окраинах и пригородах, создавая собственные ареалы. С одной стороны, это увеличивает разрыв между внутренними мигрантами и горожанами, с другой – ослабляет и подрывает городскую культуру, способствует расширению маргинальных слоёв общества. В связи с этим как среди коренных горожан, так и среди новоприбывших растут протестные настроения, имеющие разную направленность. Если первые в большинстве своем недовольны ухудшением положения, условий жизни, бездействием местных властей (и отчасти центральных), то вторые чаще всего испытывают отчуждение, фрустрацию, озлобление.

Коренные горожане становятся заложниками «ложной урбанизации», отражающей превышение притока желающих трудоустроиться сельчан над реальным спросом на рабочую силу и обусловленную этим критическую нагрузку на малоподготовленную к миграционной экспансии городскую инфраструктуру и социальную сферу. В совокупности эти факторы ведут к общему снижению уровня жизни и обнищанию населения [8].

В этих условиях выходцы из села, не находя решений имеющимся проблемам, под грузом новых трудностей, ищут помощь в традиционных институтах, создают землячества и другие неформальные организации. Так, особенно в местах компактного проживания мигрантов, возникает питательная среда для радикализации общества, для возникновения преступных группировок, для расширения исламского фундаментализма.

Таким образом, наблюдается накопление и расширение протестного потенциала, что происходит на фоне укрепления исламской религии. И здесь проявляет себя такая специфика политического протеста в западных регионах Казахстана, как радикализация на основе исламского фундаментализма. Если ранее, в начале 2000-х гг., приверженцы ислама проживали преимущественно в селах Казахстана, то с ростом миграции и социальных проблем заметны быстро исламизируются городское население, особенно молодёжь. Например, в Кызылординской области 36 % молодых людей считают себя мусульманами и посещают мечети [16, с. 115].

Серьёзным препятствием для исследования исламских фундаменталистов как части протестного движения в Казахстане является то, что они представляют собой подпольные обособленные разрозненные группировки, которые полностью закрыты для внешнего наблюдателя.

Наиболее громко исламские фундаменталисты заявили о себе именно в западных регионах Казахстана.

Продолжавшиеся почти месяц (с 24 апреля по 21 мая 2016 г.) так называемые земельные протесты в Казахстане стали ещё одной серией несанкционированных массовых акций выражения недовольства граждан, начавшихся с причин социального, правового и экономического характера, но быстро приобретшие политическую окраску. Как обычно, участниками в подавляющем большинстве были представители казахского этноса, русских почти не наблюдалось [3]. Политизация протеста началась ещё до массовых уличных акций: 11 апреля группа известных общественных деятелей опубликовала открытое письмо президенту Н. Назарбаеву с предостережением о том, что «если землю сдадут в аренду или продадут иностранцам, то народ пойдет на чрезвычайные меры», «народ может восстать» [6]. Одним из наиболее примечательных результатов стало создание министерства информации и коммуникации

Казахстана, которое по личному распоряжению Н. Назарбаева должно заниматься «контролем информационного пространства и выработкой информационной политики государства» [10].

Нынешний этап роста протестных настроений в Республике Казахстан обозначился с 2017 г. Триггером стала забастовка шахтёров угольного департамента транснациональной металлургической компании "ArcelorMittal" в Карагандинской области. Политическое измерение событие обрело ввиду того, что оно произошло перед Днём независимости Казахстана и по причине мгновенного вовлечения местных властей.

Д. Сатпаев предположил, что случай на шахте «с управленческой точки зрения, это провал ошибочной политики ослабления профсоюзного движения, которая ликвидировала один из социальных предохранителей трудовых конфликтов» [4]. В свою очередь, Г. Ергалиева отметила, что «в Казахстане не может быть никакого независимого либо гражданского протеста – всё это шантаж кланов, связанных с внешними игроками» [4].

Одна из крупнейших за последнее десятилетие серия акций политического протеста на всем евразийском пространстве также началась на западе Казахстана, в Жанаозене (Мангистауская обл.), и продолжалась со 2 по 7 января 2022 г.

Поводом вновь стали трудности социально-экономического характера, а именно – стремительное повышение цены на сжиженный газ, который очень востребован в Жанаозене, особенно среди автомобилистов. Также среди причин назывались, как и в 2011 г., большое неравенство доходов, сильное социальное расслоение, масштабная коррупция и незаконное обогащение чиновников, жестокость полиции, рост цен, грубые нарушения прав и свобод человека, нахождение у власти Н. Назарбаева и т. д. [1].

Как и прежде, протест практически сразу же обрёл ярко выраженную политическую тональность. Одними из главных требований граждан, вышедших на улицы, помимо радикального снижения цены на сжиженный газ, стали отставка действующего правительства и уход из системы власти бывшего президента Н. Назарбаева. Буквально за считанные часы политический протест радикализировался стремительными темпами. Только в одной Алма-Ате были совершены поджоги правительственных зданий, а также бывшей резиденции президента и акимата (мэрии), был захвачен аэропорт, активизировался криминальный элемент, началось мародерство, местная власть утратила контроль над городом. Центральная власть объявила в стране чрезвычайное положение, санкционировала силовое подавление протестов, разрешила стрельбу из боевого оружия в граждан, начала специальную операцию с помощью сил ОДКБ, объявленную миротворческой и антитеррористической. Войска ОДКБ за 2 дня зачистили города от протестующих.

В ходе подавления протеста 206 митингующих погибло, 4 353 было ранено. Со стороны силовых структур погибло 19 и ранено 3 393 сотрудников [5].

Основными формами политического протеста стали митинг, шествие (демонстрация), интернет-активизм, перекрытие автодорог, строительство баррикад, захват правительственных зданий, погромы и поджоги, боевые столкновения с представителями власти и сотрудниками силовых структур.

Согласно данным, полученным корреспондентами "Deutsche Welle" и подтвержденным представителями партии «Ақ жол», которые принимали участие в митингах, беспорядки в городах начали группы людей, никак не связанные с организаторами протеста и мирными протестующими. Поэтому независимыми СМИ и казахстанскими политическими активистами было сделано предположение о том, что беспорядки были устроены специально выпущенными из тюрем заключёнными с целью дискредитации мирного политического протеста и создания повода его силового подавления [11]. В доказательство приводятся факты того, что вначале сотрудники силовых структур не противодействовали погромам, поджогам, мародерству, даже оставляли свои посты, как это случилось перед захватом аэропорта в Алма-Ате.

Заметной тенденцией политического протеста в западных регионах Казахстана стало расширяющееся использование цифровых средств: гражданская самоорганизация происходила с помощью социальных сетей и мессенджеров.

Эксперты отмечают, что «казахстанские власти своими непропорциональными силовыми мерами способствуют расширению круга протестующих, протестно настроенных людей. Сегрегация, ущемление социальных прав аульчан, внутренних мигрантов в крупных городах практически уже сформировали в их среде отношение к власти, силовикам как основному источнику своих социальных проблем» [8]. В связи с этим политолог Д. Сатпаев подчёркивает, что причиной радикализации части казахстанского общества стала сама действующая власть, которая провела зачистку умеренной, работающей в правовом поле оппозиции, привлекавшей к себе довольно большое количество граждан с протестными настроениями. Многие из последних, оставшись без прежнего центра политического притяжения, естественным образом примкнули к радикальным группам, перешли к силовым методам политической борьбы [13].

Согласно данным авторского опроса, причиной вовлечённости казахстанцев в политический протест 56 % опрошенных назвали собственную инициативу, 29 % присоединились по просьбе знакомых, 9 % исходили из соображений материального характера, 4 % затруднились ответить. Большая часть респондентов (72 %) уверена в том, что участники в акциях протеста самостоятельно вышли на улицы вследствие недовольства положением дел в стране. Только 12 % считает, что люди изначально приняли участие вследствие манипулятивного воздействия со стороны внешних акторов. Почти такое же большинство респондентов (71 %) определили целенаправленность акций политического протеста как привлечение внимания властей на наиболее острые проблемы общества и изменение положения дел в стране к лучшему. 15 % ответили, что, по их мнению, цель протестов состояла в оказании поддержки знакомым единомышленникам, занимающимся политикой. 68 % респондентов высказались за то, что у акций протеста не было единого организатора, только 12 % считали, что инициатива исходит из зарубежных стран. При этом 41 % уверены в том, что акциями протеста воспользовались местные политики, желающие укрепить свои позиции во власти. 95 % респондентов стали очевидцем каких-либо силовых действий со стороны представителей власти и силовых структур. Более 80 % указали на факты избивания людей и применение специальных средств к протестующим, 66 % отметили стрельбу по участникам протеста, 83 % указали на аресты протестующих. 19 % опрошенных считают, что в ходе протеста удалось добиться желаемого результата, 26 % полагают, что результат достигнут частично, 51 % ответили, что результат не достигнут, 4 % затруднились ответить.

Выводы

Авторские опрос, инвент-анализ и контент-анализ позволяют сделать следующие основные выводы, дополняющие имеющиеся научные знания о современном политическом протесте в западных регионах Казахстана, а также на других территориях этой республики. Осуществление политического протеста на западе Казахстана серьёзно осложняется тотальным контролем власти над политическим процессом и над партийной системой. Политическое пространство Казахстана практически закрыто для реальных оппозиционных сил. Действующие запреты на несанкционированные органами власти митинги, шествия, демонстрации, пикеты, а также полная зависимость СМИ от государства сильно затрудняют массовое или индивидуальное публичное выражение какого-либо социального и/или политического недовольства.

Крупной проблемой для общественности Казахстана и одним из заметных источников протестных настроений в его западных регионах является постоянно расширяющаяся и углубляющаяся коррупция, которая видоизменяется и принимает новые формы.

Представленные в Мажилисе формально оппозиционные партии Казахстана, а также политические партии, допущенные к участию в парламентских выборах, находятся под контролем действующей власти, фактически, аффилированы с системой власти, что на сегодняшний день мало для кого является секретом. Поэтому протестные группы населения всё чаще проникаются неверием в возможность что-то изменить путём голосования, предпочитают не участвовать в выборах, которые считают марионеточными. Наиболее недовольные граждане примыкают к радикальным группировкам, использующим самые крайние методы политической борьбы. Так, с одной стороны, в электоральном поле Казахстана ширится абсентеизм, с другой – нарастает и усиливается желание повлиять на политику с помощью радикальных средств, что вдохновляется идеями религиозного фундаментализма и особенно заметно в западных регионах Казахстана.

Автор приходит к заключению, что специфическими чертами современного протеста в западных регионах Казахстана (возможно, также и на других его территориях) являются: инициирование акций общественного несогласия по экономическому и трудовому поводам с дальнейшим присоединением политических мотивов, сильное давление на протестующих и нетерпимость к альтернативным голосам со стороны системы власти, кровопролитность, криминализация, радикализация на основе исламского фундаментализма, децентрализация и цифровизация.

Список литературы

1. В Казахстане участники «газовых» протестов призвали Назарбаева уйти из политики. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/04/ke/> (дата обращения: 27.09.2022).
2. Депутат Европейского парламента поддержал нефтяников Каражанбаса. – URL: <https://vesti.kz/society/deputat-evropeyskogo-parlamenta-podderjal-neftyanikov-87923/> (дата обращения: 27.09.2022).
3. Дуванов, С. Куда делись бледнолицые? / С. Дуванов // Республика. – 2016. – 29 апреля. – С. 3.
4. Забастовка шахтеров Караганды – удар по репутации властей. – URL: <https://leangerman.dw.com/ru/забастовка-шахтеров-караганды-справедливое-негодование-или-провокация/a-41795671> (дата обращения: 27.09.2022).
5. Звенья одной цепи. – URL: <https://ortcom.kz/ru/ism/1642262903> (дата обращения: 27.09.2022).
6. Интеллигенция призывает Назарбаева быть осторожным. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/zemelny-vopros-obraschenie-k-nazarbaevu/27680758.html> (дата обращения: 27.09.2022).
7. Лим, В. Оппозиция до сих пор не может прийти в себя / В. Лим, Г. Илеуова. – URL: <https://nomad.su/?a=3-200512311210> (дата обращения: 27.09.2022).
8. Мамырайымов, Т. Протестный потенциал в Казахстане: риски и прогнозы / Т. Мамырайымов. – URL: <https://cabar.asia/ru/protestnyj-potentsial-v-kazahstane-riski-i-prognozy-2> (дата обращения: 27.09.2022).
9. Назарбаев: Трудовой спор нефтяников нельзя смешивать с деяниями бандитов. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-trudovoy-spor-neftyanikov-smeshivat-deyaniami-banditov-204074/ (дата обращения: 27.09.2022).
10. Половинко, В. Министерство информации или «министерство правды»? / В. Половинко, С. Глушкова. – URL: <https://rus.azattyq.org/a/ministerstvo-informacii-i-kommunikacij-kazahstan-dauren-abaev/27719688.html> (дата обращения: 27.09.2022).
11. Протесты в Казахстане: революция, бунт или госпереворот? – URL: <https://www.dw.com/ru/protesty-i-besporjadki-v-kazahstane-revoljucija-bunt-ili-gosperevorot/a-60401290> (дата обращения: 27.09.2022).
12. Пулями протест не залечишь. – URL: <https://iz.ru/news/510056> (дата обращения: 27.09.2022).
13. Сатпаев: властям следовало заниматься экстремистами, а не митингующими. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20160605/11129.html> (дата обращения: 27.09.2022).
14. Смагулов, К. Анализ протестных настроений в западных областях Казахстана / К. Смагулов, Г. Насимова // Центральная Азия и Кавказ. – 2016. – Т. 19, № 3. – С. 42–51.
15. Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014. – 168 с.
16. Умбеталиева, Т. Молодежь Центральной Азии. Казахстан. На основе социологического опроса. Под научным руководством проф. Клауса Хуррельманн / Т. Умбеталиева, Б. Ракишева, П. Тешендорф. – Алматы: Представительство фонда им. Фридриха Эберта в Казахстане, 2016. – 281 с.
17. Ценности и идеалы независимого Казахстана / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – 332 с.
18. Яковлев, М. В. Эволюция теоретических подходов к демократическим преобразованиям России на современном этапе / М. В. Яковлев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 12–3 (26). – С. 210–213.

References

1. V Kazakhstane uchastniki "gazovykh" protestov prizvali Nazarbaeva uyti iz politiki [In Kazakhstan, the participants of the "gas" protests called on Nazarbayev to leave politics]. Available at: <https://lenta.ru/news/2022/01/04/ke/> (accessed: 27.09.2022).
2. Deputat Evropeyskogo parlamenta podderzhal neftyanikov Karazhanbasa [The deputy of the European Parliament supported the oilmen of Karazhanbas]. Available at: <https://vesti.kz/society/deputat-evropeyskogo-parlamenta-podderjal-neftyanikov-87923/> (accessed: 27.09.2022).
3. Duvanov, S. Kuda delis blednolitsye? [Where did the palefaces go]. *Respublika* [Republic], 2016, April 29, p. 3.
4. Zabastovka shahterov Karagandy – udar po reputatsii vlastey [The strike of the Karaganda miners is a blow to the reputation of the authorities]. Available at: <https://leangerman.dw.com/ru/забастовка-шахтеров-караганды-справедливое-негодование-или-провокация/a-41795671> (accessed: 27.09.2022).
5. Zvenya odnoy tsepi [Links of the same chain]. Available at: <https://ortcom.kz/ru/ism/1642262903> (accessed: 27.09.2022).
6. *Intelligentsiya prizyvaet Nazarbaeva byt ostorozhnym* [Intellectuals urge Nazarbayev to be careful]. Available at: <https://rus.azattyq.org/a/zemelny-vopros-obraschenie-k-nazarbaevu/27680758.html> (accessed: 27.09.2022).
7. Lim, V., Ilevova, G. *Oppozitsiya do sikh por ne mozhet priiti v sebya* [The opposition still can't come to its senses]. Available at: <https://nomad.su/?a=3-200512311210> (accessed: 27.09.2022).
8. Mamyraiyimov, T. *Protestnyy potentsial v Kazakhstane: riski i prognozy* [Protest potential in Kazakhstan: risks and forecasts]. Available at: <https://cabar.asia/ru/protestnyj-potentsial-v-kazahstane-riski-i-prognozy-2> (accessed: 27.09.2022).
9. *Nazarbaev: Trudovoy spor neftyanikov nelzya smeshivat s deyaniyami banditov* [Nazarbayev: The labor dispute of oil workers should not be confused with the acts of bandits]. Available at: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-trudovoy-spor-neftyanikov-smeshivat-deyaniyami-204074/ (accessed: 27.09.2022).
10. Polovinko, V., Glushkova, S. *Ministerstvo informatsii ili "ministerstvo pravdy"?* [Ministry of Information or "Ministry of Truth"?]. Available at: <https://rus.azattyq.org/a/ministerstvo-informacii-i-kommunikacij-kazahstan-dauren-abaev/27719688.html> (accessed: 27.09.2022).
11. *Protesty v Kazakhstane: revolyutsiya, bunt ili gosperevorot?* [Protests in Kazakhstan: revolution, riot or coup d'etat?]. Available at: <https://www.dw.com/ru/protesty-i-besporjadki-v-kazahstane-revoljucija-bunt-ili-gosperevorot/a-60401290> (accessed: 27.09.2022).
12. *Pulyami protest ne zalechish* [Bullets can't heal a protest]. Available at: <https://iz.ru/news/510056> (accessed: 27.09.2022).
13. *Satpaev: vlastyam sledovalo zanimatsya ekstremistami, a ne mitinguyushchimi* [Satpayev: the authorities should have dealt with extremists, not protesters]. Available at: <https://ru.sputnik.kz/20160605/11129.html> (accessed: 27.09.2022).
14. Smagulov, K., Nasimova, G. *Analiz protestnykh nastroyeniy v zapadnykh oblastyakh Kazakhstana* [Analysis of protest moods in the western regions of Kazakhstan]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2016, vol. 19, no. 3, pp. 42–51.
15. *Sotsialnaya aktivnost molodezhi Kazakhstana v sovremennykh sotsialno-politicheskikh realiyakh* [Social activity of the youth of Kazakhstan in modern socio-political realities]. *Almaty: IFPR KN MES RK*; 2014, 168 p.
16. *Umbetalieva, T., Rakisheva, B., Teshendorf, P. Molodezh Tsentralnoy Azii. Kazakhstan. Na osnove sotsiologicheskogo oprosa* [Youth of Central Asia. Kazakhstan. Based on a sociological survey]. *Almaty: Representative office of the Foundation named after Friedrich Ebert in Kazakhstan*; 2016, 281 p.

17. *Tsennosti i idealy nezavisimogo Kazakhstana* [Values and ideals of independent Kazakhstan]. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, KN MES RK; 2015, 332 p.

18. Yakovlev, M. V. *Evolutsiya teoreticheskikh podkhodov k demokraticeskim preobrazovaniyam Rossii na sovremennom etape* [Evolution of theoretical approaches to democratic transformations in Russia at the present stage]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Evolution of theoretical approaches to democratic transformations in Russia at the present stage]. 2012, no. 12–3 (26), pp. 210–213.

Информация об авторе

Гаекуллов Э. Н. – аспирант

Information about the author

Gaetkulov E. N. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 13.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 30.01.2023.

The article was submitted 13.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 30.01.2023.